

ББК 71. 122. 32
УДК 930. 85

Ю. А. АСОЯН
(Москва)

ТОПИКА ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ И ЯЗЫК ОПИСАНИЯ ТЕЛА В АНТИЧНОЙ МЕДИЦИНЕ

Аннотация. В статье проводится сопоставление традиционных древнегреческих представлений о человеческом теле и описаний телесности в гиппократовой медицине. Автор приходит к выводу, что соматология гиппократовой медицины заимствует свою метафорику из двух сфер — сада и кухни, выращивания и приготовления. Будучи заимствованными из этих сфер, обыденно-традиционные образы телесности органично включаются в язык медицинской теории посредством дополнительного опытно-рационального обоснования.

Ключевые слова: образы телесности, греческая архаика, традиционная культура, языки описания тела, теория гуморов.

Предметом рассмотрения данной статьи является то, каким образом традиционные представления древних греков о человеческом теле и образы телесности становились элементом врачебной соматологии и продолжали существовать в рациональных медицинских описаниях. Речь пойдет о специфической образности древнегреческой медицины, на которую мы пытаемся посмотреть путем обращения к языку медицинской теории и знания. В статье сопоставляются образность и язык описания тела в медицине с традиционными представлениями о теле. В отно-

шении традиционных древнегреческих представлений телесного мы опираемся на фундаментальную работу Роберта Онианса, содержащую важный материал по данной теме и не утратившую своего значения [Онианс 1999, Onians 1954].

Таким образом, говоря об античной медицине, мы обращаемся не к так называемой «храмовой медицине» и «традиционным» религиозным врачебным практикам, а к медицине Гиппократов (хотя и в довольно широком ее значении). Храмовое или «жреческое» врачевание имело свои центры в Эпидавре и Олимпии. К IV в. до н. э. они не прекратили существования, но были потеснены гиппократовой врачебной теорией и практикой «нового типа» со своими сложившимися центрами — на о. Кос и в Книдосе. Мы рассмотрим вопрос о формирующемся в тесной связи с ионийской наукой вполне рациональном и даже опытным знании, представленном трактатами «гиппократова свода».

Corpus Hippocraticum насчитывает 72 книги. Все они написаны языком ионийской прозы, однако это не исключает существования отличий в их стилистике и доктринах. Доктринальные отличия весьма заметны: в «Корпусе» представлены косская, частично книдская и кротонская школы. Сочинения датируются периодом с V по I вв. до н. э.; значительную группу текстов относят к V—IV векам, эпохе Гиппократов (460—377). Считается, что выделить все гиппократовские сочинения, принадлежащие косской школе, основателем которой он являлся, проблематично. В качестве гиппократовых бесспорно признаются трактаты «О воздушных водах и местностях», «Прогностика», «О диете при острых болезнях», 1 и 2

книги «Эпидемий» и некоторые другие [Карпов 1994, Joly 1972].

Споры по поводу авторства Гиппократата велись еще в древности. Начиная с раннего Нового времени детальное филологическое и историко-научное изучение текстов принесло немало результатов, но согласия в вопросе авторства — какие тексты принадлежат Гиппократу, а какие его последователям или даже оппонентам — достигнуто не было. Впрочем, вопрос об авторстве как таковой уже давно отошел на второй план, в то время как на первый выдвинулось изучение мировоззренческих принципов изучаемых текстов. Акцент сместился не только на доктринальные основания разных медицинских школ, представленных в гиппократовом Своде, но и на своеобразную рациональность гиппократовой медицины¹.

Поясним это примером, имеющим отношение к теории гуморов (чхмпЯ). Гуморальная теория наиболее последовательно представлена трактатом «О природе человека». Соки человеческого тела определяются качествами теплого, холодного, сухого и влажного (ТХСВ). Это слизь (ХВ), кровь (ТВ), желтая и черная желчь (соответственно, ТС и ХС). Теория гуморов связана с временами года: с ними сопоставляются болезни, вызванные возрастанием гумора вследствие сезонного преобладания качеств (осень — ХС, зима — ХВ, весна — ТВ, лето — ТС). Учение о сезонном преобладании гуморов вместе с представлением о преобладании основных качеств в разные времена года дает базис для согласования философской теории элементов (земля — ХС, вода — ХВ, воздух — ТВ, огонь — ТС) и медицинской теории гуморов (слизь, кровь и т. д.) в универсальную медико-космологиче-

¹ Рациональность медицины понимается здесь нами как способ образно-понятийной теоретизации описываемых медициной явлений и процессов, как целостный и последовательный язык описания человеческого тела, здоровья, болезни, физиологических состояний и процессов [Визгин 1982, 348—367].

скую схему (Hippocr. N. H., 4—5, 7—8)² [Гиппократ 1994, 193—211].

Итак, каждому из гуморов приписываются качества-силы (δυνάμεις) — теплого, холодного, сухого и влажного. В трактате «О древней медицине» книдский медик-эмпирик резко критикует спекулятивный характер концепции гуморов. Интересно, что если автор трактата «О природе человека» считает, что силы теплого, холодного, сухого и влажного (ТХСВ) являются определяющими, то автор трактата «О древней медицине» возражает, что «есть в человеке не только теплое, холодное, сухое и влажное, но и горькое, и соленое, и сладкое, и кислое <...> и многое другое <...>, разнообразное по свойствам, количеству и силе (Hippocr. V. M., 14) [Гиппократ 1994, 157]. Характер возражений позволяет думать о разделяемой представителями разных школ общей рациональности, связанной с представлением о «природах» как «качествах-силах» тех или иных тел.

Именно своеобразная рациональность античной медицинской теории в соотнесении с традиционными представлениями о человеке интересует нас в этой статье. Нам кажется, она станет несколько понятней и перестанет казаться надуманно-спекулятивной, если учесть бытование традиционных представлений и образов человеческого тела, включить эти представления в рациональность гиппократовой медицины. Название данной статьи содержит выражение *топика традиции*

² В тексте статьи здесь и далее ссылки на классические тексты приводятся в соответствии с общепринятыми сокращениями (см. список сокращений в конце статьи) и правилами цитирования. Римская или латинская цифра после сокращенного названия текста указывает на книгу/главу («Hippocr. V. M., 14», — следует читать: «Гиппократ. О древней медицине. Глава 14»). В случае ссылки на поэтические тексты после указания на книгу следует указание на строки («Hom. II. XI 67», — следует читать: «Гомер. Илиада. Книга XI. С. 67»).

Тексты Аристотеля цитируются в соответствии с общепринятой пагинацией. Рядом с латинским приведена ссылка на соответствующее русское издание, по которому текст цитируется нами в данной статье.

онной культуры. Топика — это теория «общих мест» из области риторики. Применительно к нашей теме речь идет о повторяющихся устойчивых образах телесного в традиционной культуре. Нас интересует, как эти «общие места» восприятия телесности «включались» в соматологию гиппократовой античной медицины.

Еще одно замечание методологического свойства. По нашему мнению, для исследований языка культуры одной из наиболее интересных является ситуация встречи, пересечения и наложения разных «полей» культуры, преломление языка одной «культурной среды» — в другой. Язык формирующейся науки, как в отношении древней, так и современной теории, пользуется понятиями и образами, заимствованными из других областей жизни. Какие именно сферы рассматриваются в качестве предмета аналогии? Ответ на этот вопрос может пролить свет на «жизненный мир» теории и опыт ее создателей. Поэтому стоит посмотреть на то, какие именно *традиционные образы телесности* «включаются» в рациональность довольно далекой от архаики гиппократовой медицины.

* * *

Как отмечает Пьер Видаль-Накэ (Vidal-Naquet), в «Одиссее» Гомера человек определяется как существо, «вкушающее хлеб». Этим он отличается и от диких зверей, питающихся сырым мясом, и от богов, вкушающих не хлеб, а амброзию — божественный нектар [Видаль-Накэ 2001, 52 и сл.]. Рассматривая человека как существо, «едящее хлеб», архаическое сознание, занятое поиском не отличий, а именно уподоблений, соотносило человека с растением вообще и хлебным злаком в частности. Гомеровский эпос регулярно сравнивает людей с колосьями (καλάμη), а их гибель в сражении — с «трепетом» и падением колосьев (Hom. II. XI 67 и сл.) [Гомер 1990, 147]. У Гомера изображен раненый воин: «как мак роняет голову в саду, так и он склонил голову, отягощенную шлемом» (Hom. II. VIII 305—308) [Гомер 1990, 110]. Люди вы-
156 растают из земли, как посев (σπάροιτο).

Отголоски этого мифа можно найти еще у Павсания: земля, говорит он в «Описании Эллады», «бывшая влажной и исполненная творческих соков, породила невероятно рослых людей» (Paus. VIII, XXIX, 4) [Павсаний 1996, II, 218].

Уподобление человека и человеческой жизни растению встречается далеко за пределами древнебалканского культурного ареала [Леви-Стросс 1985, 196]. Но у греков оно имеет ту особенность, что привела к широкому распространению представлений о *жизненной влаге, соках человеческого тела*. Жизнь растения, как и человека, зависит от жидкости; теряя влагу, растение засыхает, погибает. «Жизненный сок» человеческого тела описывается точно такими же терминами, что и растительный. И если для нас «жизненные соки организма», пишет известный исследователь архаического сознания греков Р. Онианс, это не более чем метафора, то для греков (как и для римлян) сходство жидкостей организма человека с соком растений было чем-то много большим, чем только метафорой. Р. Онианс отмечает устойчивое соотношение жизненной влаги человека с растительным соком вина, зерна в гомеровском эпосе и других текстах [Онианс 1999, 123—124].

В произведении Гомера Афина, превращая Одиссея в старика, «иссушила его прекрасную плоть» (Hom. Od. XIII, 430) [Гомер 2000, 155]. Тело старика сравнивается с тростником (καλάμη) или (как в переводе Вяч. Иванова) с утратившей влагу и высохшей соломой (Hom. Od. XIV, 212—214) [Гомер 2000, 160]. В «Прометее прикованном» Эсхила рассказана история, связанная с появлением врачевания. Прежде люди не имели лекарств, и, когда их поражала болезнь, не было никакого средства, ни пищи, ни питья, ни мази, и без всякой помощи они буквально высыхали (κατεσκέλλοντο) (Aesh. Pr. 479) [Эсхил 1989, 248—249]. «Римляне, — комментирует Онианс, — тоже считали, что в теле есть некая жидкость, сок, обеспечивающий существование тела, придающий ему полноту и постепенно исчезающий в старости» [Онианс 1999, 219]. Эту жидкость называли *умог*

(сок). Одним из мест ее сосредоточения считалась голова, поэтому увлажняли голову, умаживая ее маслом — не только, чтобы просто освежиться, но и для того, чтобы доставить жизненных сил всему телу. Существовало устойчивое убеждение в возможности питать «человеческий сок» с помощью растительного [Там же, 212].

С жизненным соком растений сопоставимо представление о нахождении жидкости в коленях, причем последняя неизменно связывалась с семенной жидкостью. Еще у Гесиода читаем, что во время летнего зноя Сириус беспощадно сушит колени и головы, делая мужей слабосильными (Hes. Erga 586—588) [Гесиод 1999, 63]. Феокрит же, напротив, говорит о «полных соком членах» брачующихся, которым не нужно терять время, пока колено сохраняет влагу или сок.

Жизненный век человека, αἰών, также истолковывается как влага — жизненный ресурс, который «иссыкает» с течением времени. Он связан с представлением о жизни как о постепенно убывающем запасе влаги. «Наша жизнь, — говорит комический поэт Антифан, — подобна вину, когда остается лишь малость, она превращается в уксус» [Онианс 1999, 215]. Римляне также верили, что в «теле, как в растении, постепенно убывает сок» [Там же, 215]. У Петрония читаем: «Увы, увь! Вино живет дольше, чем человечиска. Так давайте увлажняться. Вино — это жизнь» (Petron. 34. 7) [Онианс 1999, 216]³.

Увлажняя изнутри и извне части и органы тела, человек наполняет соком его сосуды. И наоборот, теряя жизненные соки с течением времени, сам как сосуд, человек «достигает дна старости». Иначе говоря, обратной стороной представлений о жидкостях тела явля-

ется представление о самом теле как о сосуде. Как писала в одной из работ Н. В. Брагинская, сосуд — едва ли не самый подходящий предмет для одушевления, это ясно даже современному человеку. «У сосуда есть ручка, ножка, тулово, горло, шейка, плечи, ушко, устье (уста) <...> Такой богатый набор антропоморфных наименований есть только у сосуда». Крышки сосудов нередко изготавливались в виде голов животного (или человека). С сосудами говорили, постукивая по ним. «Звук трескающих в печи горшков — крик умирающего существа — треснувший сосуд больше не звучит» [Брагинская 1980, 52].

В «Исследованиях по истории древнегреческого общества» Дж. Томсон приводит многочисленные представления о сосудах в античной архаике. Сосуды чрезвычайно широко использовались в погребальном обряде, ставились при погребении в качестве памятников. Отдельно стоило бы сказать о погребальных сосудах. В древних захоронениях встречаются погребения в кувшинах, особенно если это касалось младенцев. Считалось, что подобный способ захоронения связан с представлением о «повторном оплодотворении матери духом умершего ребенка» [Томсон 1958, 247]. Сосуд, наполненный водой, — символ материнского лона. Б. Богаевский в работе «Земледельческая религия Афин» показывал, что земля-почва воспринималась как сосуд для растения или плода, причем сам сосуд — это как бы испеченное в чреве матери-земли тело [Богаевский 1912, 6—7 и сл.].

Еще не так давно в греческих деревнях, когда носилки с умершим проносили по улице, друзья и соседи покойного выливали у порога или через окно воду, а сам сосуд бросали на камни, разбивая его. Этот старый обычай толкуют как символический образ того, что случилось. Разлитая вода символизирует прекращение жизни как таковой, а разбитый сосуд — мертвое тело [Онианс 1999, 268—269]. Надо добавить, что в средиземноморском культурном ареале, и у греков в частности, гроб в древности мог изготавливаться из глины, что также сближало его с

³ Интересно, что русские переводчики «Сатирикона» Б. Ярхо и А. Пиотровский испытывали некоторое затруднение. Предлагая вариант «<...> вино живет дольше, чем людишки. Посему давайте пить <...>», переводчик поясняет, что «латинское *tangomenas* *faciamus* — непонятное и, может быть, искаженное слово производят от греч. τέγγω — «орошаю» (?)» [Петроний 1924, примеч. 91].

сосудом. В обряде кремации также использовались сосуды. Вот как это происходит в «Илиаде» при погребении Патрокла: его прах собирается в урну и заливается темно-красным вином. Так же в «Илиаде» тело война, гибнущего в сражении, рассеченного мечом или пронзенного пикой, представляется в виде сосуда, из которого на землю «выливается внутренность» (Hom. II. XXI, 180) [Гомер 1990, 300].

* * *

Перейдем теперь непосредственно к гиппократовой медицине, к ее языку описания болезни и здоровья, процессов человеческого тела. Язык этой медицины не только унаследовал традиционное представление о соках человеческого тела, но и придал этому представлению своего рода системообразующее качество. Процессы, происходящие в человеческом теле, корпус Гиппократ описывает как «варение» (πέψις) соков-гуморов, жидкостей человеческого тела. Показательна терминология процессов человеческого тела и терминология болезни. Она почти всегда имеет непосредственную связь с описанием процессов варки — это, можно сказать, «кухонная» терминология. Здесь есть место таким понятиям, как сварение и несварение (απεψία). Причем не только когда речь идет о «несварении желудка». В описаниях физиологических процессов и процессов болезней выделяются пепсис согреванием в воде и на огне — т. е. жарка, варка [Визгин 1982, 374 и сл.].

В гиппократовой медицине возникновение болезни определяется избытком тех или иных гуморов (кровь, слизь, желчь черная и желтая). Важная особенность связана с представлением о «переваривании» избыточной жидкости и о влиянии этого процесса на кризис болезни. Согласно этому воззрению, в течение болезни наступает момент, когда та или иная избыточная жидкость, перевариваясь под влиянием внутренней теплоты (у которой могут быть весьма разные свойства и силы), изменяет свой вид (гной, например, рассматривается как сварившиеся избыточные соки). Можно было бы ска-

зывать, что, пока тот или иной избыток

соков не будет сварен «в печи» человеческого тела, — о выздоровлении не может идти речи.

Еще один вопрос касается соотношения пепсиса и красиса (κрасις). *Пепсис* — варение, тогда как *красис* — смешение. Понятие красиса является одним из центральных в представлениях гиппократиков о здоровье. Когда гуморы (χυμοί) равномерно смешаны в определенных пропорциях — тело здорово (причем для каждой местности фиксируется особый тип физиологического красиса). Нездоровье связывается с акрасией, т. е. неравномерным (или не подходящим для данной местности) смешением гумор. И здесь тоже возникает представление о человеческом теле как сосуде. Недаром кратером назывался сосуд для смешения вина с водой. Смешение умеряет избыточные качества-силы вина. Итак, красис сопутствует пепсису — когда соки перемешаны, они и «провариваются» равномерно, не возникает местных и общих «несварений».

В связи с концепциями пепсиса и красиса особого внимания заслуживает эмбриология, причем не только гиппократовская, но и аристотелевская (последний, как известно, был из рода врачей). В трактате «О возникновении животных» Аристотеля формирование плода в утробе матери сопоставляется с процессами варения соков в лоне материнского чрева-сосуда. Самый яркий пример, как Стагирит описывает формирование кожных покровов плода: они формируются «подобно тому, как в процессе жарки на вареных кушаньях образуется тонкая корочка или пленка» (Arist. GA 743 b) [Аристотель 1941]. Так же и у Гиппократ, который сравнивает первый период в созревании плода с печением хлеба; плод в утробе словно «печется». «Подобно этому бывает в печеном хлебе, — говорит автор трактата, — на поверхности его находится нечто тонкое, наподобие кожицы, ибо хлеб, нагреваясь и вздуваясь, поднимается, а там, где он вздувается, образуется указанная кожица» (Hippocr. Genit, 12) [Гиппократ 1994, 233].

Тут же находится место и для растительных образов. Вот как описывается формирование членов тела у эмбриона:

«Сгущенные теплотой, кости твердеют и, *наподобие дерева*, разделяются на ветви» (Hippocr. Genit, 17) [Гиппократ 1994, 237]. Так объясняется появление конечностей.

Формирование плода также описывается по аналогии с растением. Обсуждая возможности повреждения плода в утробе матери, в частности от ушибов, Гиппократ утверждает, что причиной повреждений может быть и узость матки: «тело, двигаясь в узком месте, делается искалечным в этом именно месте. Так точно и деревья, которые, вырастая на земле, если не имеют для себя обширного пространства, но задерживаются камнем или каким-то другим препятствием, делаются кривыми или толстыми в одной части, а в другой — тонкими» (Hippocr. Genit, 10) [Гиппократ 1994, 230].

Вообще, складывается представление, что образ человеческого тела как сосуда и растения вместе с представлениями о земле — это одна большая метафора. Аналогичный процессу варения, формирования плода в утробе матери, происходит процесс «сварения» плодов в земле. В «Исследованиях о растениях» ближайшего ученика Аристотеля Теофраста место плода в утробе матери и место растения, произрастающего из земли, намеренно и последовательно сближаются (Theophr. IV 12, 9; IV, 13, 1) [Теофраст 1951]. Так же происходит и у самого Аристотеля⁴. А в латинском сельскохозяйственном сочинении XII века «Назирателе», имевшем хождение на Руси и опиравшемся на гиппократову традицию, находим такую формулу: «место, на котором древо прежде изначала всходит есть как и матица в животе зверином. Мокрота же на оном месте будущая, которую дерево к себе тянет, есть как бы кровотечение в матице, или ложеснах» (Назир., 46, 10—17) [Назиратель 1973, 199].

⁴ Аристотель ставит вопрос: «доставляет ли самка только место, или нечто привносит». Она, как утверждает Стагирит, доставляет не только место, но и материю. Он сравнивает это с тем, как чужестранные семена меняют форму соответственно природе места, ибо оно/место доставляет семенам материю и тело (Arist. GA, 738в) [Аристотель 1941].

Однако вернемся к эмбриологии. Материнское лоно, как мы уже отметили, мыслится как сосуд для «дитяти». Иногда это описывается с почти наивной непосредственностью. В трактате «О семени и природе ребенка» Гиппократ рассматривает различные особенности формирования плода. В частности, когда от полных и сочных родителей рождается «худосочное дитя». Причиной этому, говорит Гиппократ, может быть матка, узкая сверх надлежащего, ведь в противном случае от больших родителей и дитя рождается большое. И далее следует замечательное сравнение: «Это дело похоже на то, как если кто-либо положит в узкий сосуд огурец, прикрепленный к огуречному стеблю: огурец выйдет равным и подобным полости сосуда <...> А если кто положит его в сосуд широкий, в котором широко может поместиться огурец, но который в то же время и не особенно больше его природной величины, то огурец вырастет равным и подобным полости сосуда. *И все растения вырастают так... Вот также и дитя...*» (Hippocr. Genit, 9) [Гиппократ 1994, 230].

В трактатах Гиппократова свода сосуда — образ человеческого тела, в котором варятся его соки-жидкости, это также и образ материнского лона, в котором смешиваются и варятся соки формирующегося тела ребенка. Нельзя не заметить, что все эти сопоставления обусловлены рациональными соображениями, более того — они нередко подкреплены своеобразным «опытным» знанием, непосредственным наблюдением. Здесь отмечается рациональная, а не мифопоэтическая образность. Тем не менее, обращение к этим образам продиктовано не только сугубо медицинскими соображениями, но и глубоко укорененной в сознании традиционной метафорикой, от которой врач оказывается так же несвободен, как и эпический поэт.

В целом соматология гиппократовой медицины заимствует метафоры из двух наиболее доступных сфер — сада и кухни, выращивания и приготовления соответственно. Именно эти области оказывают наиболее заметное влияние на язык описания тела, на соматологию и

медицинскую теорию. Но эти области, по выражению Аристотеля, «доставляют не только место», они оказываются носителями целого спектра традиционных образов и метафор, которые в новом языке переоформляются концептуально — в виде теории и опыта. Наблюдательность античного медика, можно сказать, преформирована «традиционными представлениями», его «сугубо опытное» знание, опирающееся на наблюдение, предопределено еще и иными формами опыта — опытом обыденной жизни и осмысливающей его культуры, в которые медик в той или иной степени неизбежно оказывается «включен».

Литература

- Аристотель 1941 — *Аристотель*. О возникновении животных / перевод В. П. Карпова. М.; Л., 1941.
- Богаевский 1912 — *Богаевский Б. Л.* Земля и почва в представлениях Древней Греции. СПб., 1912.
- Брагинская 1980 — *Брагинская Н. В.* Надпись и изображение в греческой вазописи // *Культура и искусство античного мира*. М., 1980.
- Видадь-Накэ 2001 — *Видадь-Накэ П.* Значение земли и жертвоприношения в религии и мифологии // *Видадь-Накэ П.* Черный охотник. Формы мышления и формы общества в греческом мире. М., 2001. С. 45—68.
- Визгин 1982 — *Визгин В. П.* Генезис и структура квалитивизма Аристотеля. М., 1982.
- Гесиод 1999 — *Гесиод*. Труды и дни // *Эллинские поэты* / перевод О. Цыбенко. М., 1999.
- Гиппократ 1994 — *Гиппократ*. Избранные книги / перевод В. И. Руднева. М., 1994.
- Гомер 1990 — *Гомер*. Илиада / перевод Н. И. Гнедича. Л., 1990.
- Гомер 2000 — *Гомер*. Одиссея / перевод В. А. Жуковского. М., 2000.
- Карпов 1994 — *Карпов В. П.* Гиппократ и гиппократов сборник // *Гиппократ*. Избранные книги. М., 1994. С. 9—81.
- Кереньи 2007 — *Кереньи К.* Дионис. Прообраз неиссякаемой жизни. М., 2007.
- Леви-Стросс 1985 — *Леви-Стросс К.* Структурная антропология. М., 1985.
- Назиратель 1973 — *Назиратель*. М., 1973.
- Онианс 1999 — *Онианс Р.* На коленях богов. Истоки европейской мысли о душе, разуме, теле, времени и судьбе. М., 1999.

Павсаний 1996 II — *Павсаний*. Описание Эллады / перевод С. П. Кондратьева. СПб., 1996. Т. 2.

Петроний 1924 — *Петроний Арибиптр*. Сатирикон / под ред. Б. И. Ярхо. М.; Л., 1924.

Томсон 1958 — *Томсон Дж.* Исследования по истории древнегреческого общества. М., 1958. Т. 1.

Феофраст 1951 — *Феофраст*. Исследование о растениях / перевод М. Е. Сергеевко. М., 1951.

Фрейденберг 1999 — *Фрейденберг О. М.* Миф и литература древности. М., 1998.

Эсхил 1989 — *Эсхил*. Трагедии / перевод Вяч. Иванова. М., 1989.

Joly 1972 — *Joly R.* Hippocrates of Cos // *Dictionary of scientific biography*. V. 6. N.-Y. 1972. p. 418—431.

Onians 1954 — *Onians R. B.* The Origin of European thought about the body, the mind, the soul, the world, time and fate: new interpretations of Greek, Roman and kindred evidence also of some basic Jewish and Christian beliefs. Cambridge, 1954.

Сокращения

- Arist. GA — *Аристотель*. О возникновении животных.
- Aesh. Pr. — *Эсхил*. Прометей прикованный.
- Hes. Erga — *Гесиод*. Труды и дни.
- Hippocr. Genit — *Гиппократ*. О семени и природе ребенка.
- Hippocr. N.H. — *Гиппократ*. О природе человека.
- Hippocr. V. M. — *Гиппократ*. О древней медицине.
- Hom. Il. — *Гомер*. Илиада.
- Hom. Od. — *Гомер*. Одиссея.
- Petron. — *Петроний*. Сатирикон.
- Theophr. — *Феофраст*. Исследования о растениях.
- Paus. — *Павсаний*. Описание Эллады.

Summary. The author of the present article compares traditional Ancient Greek views about human body with the description of corporality in the Hippocrates medicine. The author comes to the conclusion that the Hippocrates medicine somatology borrows its metaphors from the two spheres: the garden and the kitchen, i.e. cultivation and cooking. Being borrowed from these two spheres, traditional images of corporality are naturally included into the language of medical theory by way of additional experimental and rational reasoning.

Key words: corporality-images, Ancient Greece, traditional culture, languages of the body-description, humors-theory.